

Татьяна Щитцова

Эвристика и поэтика Белорусской революции

Эвристика – это открытие чего-то нового. Поэтика (пойэсис) – это творческое создание нового. Первая относится к познанию реальности. Вторая – к её преобразованию. Самые разные эксперты сходятся в том, что Белорусская революция является исторически уникальным феноменом – существенно новым во многих аспектах. Примечательно, что эта новизна касается как плана эвристики, так и плана поэтики. Мы пришли к Новому году, показав миру новые возможности в продвижении к общественной автономии и осознав необратимость своей собственной трансформации.

Эвристика.

Белорусская революция выявила и активировала новые структурные возможности для осуществления демократических преобразований. Она не следует известным моделям «цветных революций» и не схватывается определением «электоральная». Ключевую роль в ней сыграли и продолжают играть два структурных момента: первый лёг в основу уникальной политической консолидации общества еще в преддверии выборов, второй – не менее уникальной протестной мобилизации после выборов.

Первый момент – это универсальная (*общеэзначащая*) политическая программа Светланы Тихановской и объединенного штаба, включавшая только один пункт: проведение новых, честных, выборов. Эта повестка фиксировала главное, что требуется нашей стране – восстановление законности и, значит, восстановление нормального функционирования представительной демократии, закреплённой в Конституции Республики Беларусь. Таким образом, политическая программа Тихановской не была предвыборной программой в традиционном смысле этого слова. Её содержанием были не какие-то конкретные реформы (которые непременно стали бы предметом споров и разногласий), а обеспечение базового условия для перезагрузки политической системы на принципах верховенства закона. Такая программа не могла конфликтовать ни с одной политической платформой, кроме аппарата Лукашенко. Общество – в лице самых разных политических объединений и социальных групп -- консолидировалось вокруг необходимости реализации избирательного права граждан, предусмотренного Конституцией. Поэтому некорректно говорить, что наши протесты имели только негативную направленность -- «против Лукашенко». В основе этого «против» лежит солидарное «за» -- за возвращение закона и справедливости.

Общеэзначащий характер программы Тихановской обусловил такой феномен, как *децентрализованное лидерство*. Протестное движение оформлялось и направлялось множественными лидерами на разных уровнях и в разных секторах социальной жизни. Каждый/каждая, кто разделяли общее программное требование, могли инициировать политическую активность на своих местах с учетом локальной специфики и соответствующих задач. Это неизбежно порождало проблемы с общей координацией действий, однако позволило начавшейся революции очень быстро приобрести тотальный -- повсеместный – характер.

Второй момент – это асимметричный ответ общества на чудовищное насилие со стороны официальной власти. Общество ответило мирным

протестом, что исключило возможность легитимации действий силовиков. *Систематическое насилие в отсутствие легитимности превратило государственные органы во внутренних оккупантов*, режим экс-президента – в оккупационный режим. Тотальный правовой дефолт стал неизбежным следствием этой новой политической реальности. Так в нашей стране установился террор. Внутренняя оккупация – это историческая кульминация белорусского авторитарного режима, обнажение его параноидальной природы. Власть с одержимостью продвигает два фантазма: гражданской войны и угрозы внешнего вторжения, – потому что только они способны вернуть власти видимость легитимности. Только они могут утолить её главную, онтологическую, нехватку – нехватку собственной реальности: реальность ускользает -- чем меньше реальности, тем больше террора и абсурда. Именно упорство мирного протеста вскрыло этот параноидальный нарыв.

В демократических обществах реальность власти держится на выполнении репрезентативной функции: чем меньше власть представляет интересы народа, тем меньше в ней реальности – и тем больше она озабочена созданием иллюзорной реальности, опирающейся на дезинформацию и пропаганду. Нынешний политический кризис выявил, что в Беларуси в последнее десятилетие становился всё острее кризис репрезентации: работа вертикали власти и жизнь общества всё больше обособлялись друг от друга. Какое-то время было возможно их параллельное существование, пока власть не столкнулась с электоральным результатом своей пагубной замкнутости на саму себя. В ответ с её стороны последовал государственный террор в отношении тех, чьи интересы она перестала представлять. Так власть, называющая себя «демократически избранной», стала оккупантом для собственного народа.

Асимметричный ответ гражданского большинства родился из общего морального потрясения безмерной жестокостью и беззаконием санкционированного властью физического насилия. В основе нашей гражданской солидарности лежит опыт разделяемой травмы. Поэтому Белорусская революция – это в первую очередь *морально-этическая революция*. Мирный протест – это последовательное отстаивание такой формы совместной жизни, которая исключает насилие. В этом смысле текущая политическая борьба имеет строгую этическую рамку, которая фокусирует внимание на том, что политическое устройство должно строиться на признании абсолютной ценности человеческой жизни и достоинства. Этика должна быть *безусловным* основанием политики. Такая расстановка акцентов открывает новые перспективы для трансформации структур и отношений власти в Новой Беларуси. Более того, она оказывается чрезвычайно актуальной в общеевропейском и глобальном контексте.

Поэтика.

Движение революционного процесса можно описать знаменитой формулой Игната Абдираловича (Канчевского) «Творачы – зруйнуем». Отмеченная выше этическая асимметрия является структурной предпосылкой уникальной народной креативности, которая превратила Белорусскую революцию в непрекращающийся политический перформанс. Последний находил воплощение в самых разнообразных протестных акциях, в поющих и танцующих телах, в новых образах и символах, новой городской топонимии и ритуалах памятования. Гражданское общество утвердилось как *sensus communis* – как соперяживающая креативная общность, для которой художественные

практики – органичный способ символического преобразования жизненного мира. В этой связи самым ярким символическим выражением исходной этической установки Революции стали сначала женские акции, а затем – и добавившиеся к ним марши пенсионеров и людей с инвалидностью. Всё это социальные группы, которые традиционно кодируются как слабые и уязвимые (в физическом смысле). Их выход на передовую политической борьбы с террором имел *субверсивный* эффект, то есть был нацелен на опрокидывание порядка, построенного на насилии. Их «слабость» не взывала к снисхождению, а была задействована как оружие в борьбе за общество без насилия.

Принципиальная установка на мирный протест стала импульсом также для инициирования и стремительного разворачивания новых форм социальной жизни – дееспособных горизонтальных сетей и локальных («дворовых») сообществ. Снова-таки важно подчеркнуть, что на первом плане здесь было и остаётся *воплощенная явленность гражданской общности*: живое сближение, физическое взаимодействие – лицом к лицу, локоть к локтю, голос к голосу (что это значит во времена ковидного диктата дистанции и изоляции – тема отдельного разговора). «Демократия» перестала быть для нас пустым, формальным, словом; она обрела «плоть и кровь» живых человеческих отношений: доверия, поддержки, кооперации – ради политического переустройства нашей страны. Гражданское общество впервые стало настоящим политическим субъектом.

Новое политическое воображение, которое генерирует революция, кульминирует в патетической идее о *новом рождении* белорусской нации. Эта идея опирается на два ключевых момента: во-первых, на демократизацию политических институтов, которая должна восстановить в силе конституционное положение о том, что сувереном Республики Беларусь является народ; во-вторых, на возрождение культурно-исторического наследия белорусов. В том, как актуализировалось сегодня национальное самосознание, тоже есть своя уникальность. Эмфатическая (гордая) самоидентификация «Мы – белорусы» не может быть осмыслена в рамках известных в науке понятийных оппозиций примордиализма и конструктивизма, этнического национализма и гражданского национализма, национального и постнационального. Поэтика Белорусской революции требует нового мышления – нового понятийного языка и новых моделей самоописания.

Мы пережили чудовищное потрясение и вступили в борьбу с машиной власти, которая не щадит никого и ничего ради собственного воспроизводства. За прошедшие месяцы мы осознали, что заслужили право говорить «Мы». Если мы используем слово «революция», то потому, что понимаем, что в моральном и социальном плане она уже произошла – мы и наше общество радикально преобразились. Именно поэтому ближайшей задачей для нас является политическая трансформация нашего государства. Мы пришли к концу 2020 года *новыми* и потому можем встретить Новый год с радостью – как праздник нашего обновления и как ворота в Новую эпоху.

Впервые опубликовано на сайте [СН+](#)

Tatiana Shchyttsova – philosopher, Professor at the Department of Social Sciences, Head of the Center for Research of Intersubjectivity and Interpersonal

Communication at the European Humanities University (Vilnius, Lithuania), editor-in-chief of the Journal for Philosophy and Cultural Studies *TOPOS*.